

«СЛОВОТВОРЧЕСТВО» В РАССКАЗАХ ТАТЬЯНЫ ТОЛСТОЙ

Люба ПРОКОПИЙ, др., конф. унив.

Кафедра иностранных языков и литератур,
Тираспольский государственный университет

Rezumat. În lucrarea de față se analizează formarea și funcționare cuvintelor noi și anume a ocazionalismelor în povestirile scriitoarei ruse contemporane Tatiana Tolstaia. Aceste formațiuni sunt foarte frecvente în proza autoare și extrem de interesante în ceea ce privește formarea, semantica, utilizarea lor.

Cuvinte-cheie: contaminare, ocazionalism, neologism, prefixare, semantica sincretism, sufixare.

Abstract. This work analyzes the formation the formation and functioning of new words, namely occasionalisms in the stories of the contemporary Russian writer Tatiana Tolstaia. These formations are very frequent in the author's prose and extremely interesting in terms of their formation, semantics, use.

Keywords: contamination, neologism, occasionalism, prefixation, semantics, syncretism, suffixation.

Во все времена язык тяготел к постоянному изменению, обновлению, особенно, когда языковые процессы связаны с появлением новых вещей, предметов культуры, новых технологий и представлений о мире. Так в русском языке появляются новые слова или словосочетания. Их называют неологизмами (др.-греч. νέος — новый + λόγος — слово). Неология — наука, которая занимается изучением неологизмов.

В общем случае для неологизмов характерным является то, что:

- при возникновении новые слова понятны только специалистам той области, в которой они образовались,
- слова остаются новыми ограниченное промежуток времени, переходя в класс общеупотребительных. Например, слова, которые были новыми в прошлом веке и стали общеупотребительными, а некоторые из них перешли в раздел устаревших: *колхоз, комсомол, космонавт, лазер, магнитофон, метро, пионер.*

А вот, например, некоторые неологизмы, которые появились в конце прошлого века (в наши дни можно говорить о том, что слова стали общеупотребительными) и уже совсем «свежие» пополнения: *вай-фай, дефóлт, дресс-код, мобíльник, ре́йтинг, секью́рити, слóган, смартфóн, сélфи* и т.д.

Как происходит рождение новых слов в русском языке? Специалисты называют разные источники, но основных три:

1. Новые слова заимствуются из других языков (общезыковые неологизмы);
2. Они образуются из средств самого русского языка (суффиксация, сложение основ и др.) либо переосмысливается значение старых слов;
3. Новые слова создаются писателями, поэтами, журналистами (авторские неологизмы).

Именно к этой группе неологизмов принадлежат и так называемые **окказионализмы** (от лат. *Occasionalis* — *случайный*) — индивидуально-авторский неологизм, «созданный поэтом или писателем, согласно существующим в языке непродуктивным словообразовательным моделям и использующийся исключительно в условиях данного контекста, как лексическое средство художественной выразительности или языковой игры. Окказионализмы обычно не получают широкого распространения и не входят в словарный состав языка» [1, 215].

Авторские, индивидуально-стилистические неологизмы создаются писателями, поэтами для придания образности художественному тексту, они часто необычны, оригинальны, свежи. Неологизмы данного типа "прикреплены" к контексту и имеют автора. Их цель состоит в том, чтобы сохранять особенность и индивидуальность автора, окказионализмы не существуют вне конкретного контекста.

В этом отношении нам представляется уместным обратиться к творчеству одной из выдающихся писательниц современности – Татьяны Толстой. Произведения её весьма своеобразны, в них используется большое количество индивидуально-авторских неологизмов, окказионализмов. Именно выражение индивидуальности писателя, его неповторимость и своеобразие вызывают интерес не только у исследователей, но и у рядовых читателей. Её творчество относят к литературе «Новой волны».

Анализируя прозу “новой волны” М. Липовецкий относит произведения Т. Толстой к контексту “другой прозы” [8]. Галина Нефагина выделяет общие черты этой прозы:

«1. Оппозиционность по отношению к официозу, отказ от следования сложившимся литературным стереотипов. “Другая проза” изображает мир социально-сдвинутых характеров и обстоятельств, поэтому реальность изображается “грубо и зримо”. Авторская позиция замаскирована и создается иллюзия “надмирности” или безразличия автора к своему созданию.

2. “Другая проза” показывает абсурдность, преступность тоталитарной системы. Она не создает фантастический мир, она открывает фантастичность в окружающем, реальном.

3. Отказ от учительства, проповедничества, морализаторства. “Другая проза” порывает с традицией диалога “автор-читатель”.

4. В основе “другой прозы” лежит стереотип – жизненный разгром есть обратная сторона и прямое следствие системы красивых фраз и умолчаний, лжи о человеке и обществе. Это литература постэкзистенциальная (в этом определении Г. Нефагина вторит М. Липовецкому).

5. “Другая проза” стремится освободить человека от иллюзии и догматов, от официальной идеологии, поэтому часто она мрачна, котсимистична. Конфликты в ней заключаются в разладе смысла и существования, и образа.

6. В “другой прозе” велика роль времени. Это время отчужденное, чуть ли не время без времени, вычеркивающего годы, силы, мечты. Образ времени заполняет всю картину мироздания». [9].

Художественный мир Татьяны Толстой — ярчайшего представителя современной постмодернистской поэтики, представляется одним из ярких, самобытных явлений в современной литературе. Начав работать уже в бесцензурном пространстве, она смогла свободно осваивать разнообразные маршруты литературного эксперимента, в рассказах, романах, публицистических опусах этого автора читатель наслаждается живым, современным и оригинальным языком, которым они написаны.

Выборка примеров для исследования была сделана из сборника «Легкие миры», куда вошли и более ранние рассказы, и совсем новые, написанные в последнее десятилетие. Повесть, давшая название сборнику, была удостоена Премии Ивана Петровича Белкина (2013) [11]. «В новой прозе Татьяна Толстая совершила революцию: перешла от третьего лица к первому. Сливаясь и расходясь с автором, рассказчица плетет кружевные истории своей жизни, в том числе – про любовь, как Бунин». (Александр Генис) [2].

Анализируя выбранные примеры, можно выделить несколько типов способов образования окказионализмов: морфологический, синтаксический, семантический.

I. Морфологические образования – это деривация слов при помощи различных аффиксов – суффиксов, приставок, безаффиксный способ и т.д.

1. **Префиксальный способ** (приставки *вне-, до-, пред-, недо-, не-, псевдо-*):

*Нет, должны быть глубинные причины, **вне**логические и **до**логические* («Серебром и чесноком»);

*Теперь это кривая корова и **недо**фрукт.* («Му-Му и Фру-Фру: исчезновение Больших Смыслов»);

*развлекало это Его на просторах **пред**вечности* («Издали похожие на мух»); *а может быть, свет **невечерний**; **невисокосный** тигр согревает сердце бухгалтерши* («Может быть, свет»); *Пошла есть канашки и **псевдо**пирожки и пить вино* («Кофточка»).

Обычные, казалось бы, приставки, соединяемые с обычными словами, создают новые, необычные слова: ***недо**фрукт, **псевдо**пирожки.*

2. **Суффиксальный способ:**

а) - суффикс *-ость* для существительных со значением отвлеченного признака или состояния: *Общая **пришибленность*** («Ураган»);

- суффиксы *-изм* образует существительные, обозначающие состояния, качества, названия учений и общественных течений: *бабушка занялась привычным **вудуизмом*** («Легкие миры») (слово *вуду* имеет значение синкретических культов, распространённых в странах Западной Африки, Карибского бассейна, а также в США среди зна-

чительной части афроамериканцев, но не образует дериваты с суфф. –изм); *ну и пошел сплошной очернизм* («Издали похожие на мух») (от *очернить*);

- суффикс **–ак (як)** со значением «носитель признака»: *кому из двух важняков отдать квартиру* («Издали похожие на мух»); *Это был основняк всего разговора* («О стихах и метелях»);

- суффикс **–ум** латинского происхождения, обычно используется для обозначения названий каких-то химических веществ (платинум, иридий), в рассказе Т.Толстой этот суффикс образует такое псевдоученое название от имени зловещего персонажа романа Мэри Шелли *«Франкенштейн, или Современный Прометей»* (1818): *ну отыщется еще какой-нибудь франкеништейниум с периодом полураспада в полторы миллисекунды* («Легкие миры»);

- суффиксы субъективной оценки, которые образуют не новые слова, а их формы, нередко отличающиеся от тех слов, на базе которых они возникли, только эмоционально-экспрессивной окраской **-ешк (-ошк), -чк, -оньк (-еньк), -к,-ик:** *Пошла есть канашки и псевдопирожки и пить вино.* («Кофточка»); *Отсюда и новые (насколько я могу судить) «мяско» и «сырик». Колбасынька. Яичечко. И спатеньки.* («Яичечко»)

б) - суффикс **–ск** для образования прилагательных от основ неодушевленных существительных, в данном случае это образование от названия сказочного существа эльф: *а у Жук была эльфийская внешность; нью-джерсийские ливни добрались-таки до подвала и погубили весь мой архив* («Легкие миры»);

- суффикс **-енск- (-инск-)** образует прилагательные, обозначающие географические названия, но автор образует его не от существительного *девочка* (это было бы прилагательное *девчачий* или *девичий*), а от притяжательного прилагательного *девочкин:* *и простонала слабым девочкинским голосом* («О стихах и метелях»);

- суффикс **–ическ** со значением свойства предмета: *Какой-то аюрведический красавец продавец любезен без подобострастия* («Легкие миры») (от сущ. *аюрведа* - это древняя система индийской медицины/, но это слово не образует производных); *а потом пришел Нильсен, со своим некротическими чертами и мыслями* («Легкие миры») (от слова *некроз*);

- суффиксы **–ин и –ов**, обозначающие принадлежность предмета лицу или животному: *и оставить там до морковкина заговенья* («Легкие миры») (ирония в том, что слово с этим суффиксом образовано от неодушевленного предмета *морковка*); *томик Марксова «Капитала»* («На малом огне»);

- суффикс **–очн** со значением признака: *и в этом козьячьем мире тоже есть свои раритеты и шедевры* («Яичечко»); *в забегаловочном разговоре* («О стихах и метелях»);

- суффиксы **-еньк** со значением субъективной оценки: *Такой белый-белый, с бледными волосами, с ручками двенадцатилетнего, чахленький, с мелко-брезгливым*

выражением на впадом личике мучного червя; давай мы её поставим горизонтальненько; - Не беспокойтесь, мы все сделаем стерильненько-стерильненько («Легкие миры»);

- суффикс **-ейш** образует формы превосходной степени сравнения прилагательных, в данном же случае образование происходит от существительного: бабушка была христианнейшей из христиан и самаритянейшей из самаритян. («На малом огне»)

в) суффикс **-ирова-ть** образует глаголы со значением осуществлять что-либо: еще с десяток лет назад они носили с собой транзисторы и кобзонизировали всю окрестность («Му-Му и Фру-Фру: исчезновение Больших Смыслов»), однако здесь парадокс в том, что образован этот глагол от имени певца Иосифа Кобзона.

г) суффикс наречий **-еньк** со значением субъективной оценки: два десятка тонких и крепких деревьев, проросших сквозь нее ровненько, пряменько, невозможненько, непостижименько. («Му-Му и Фру-Фру: исчезновение Больших Смыслов»).

3. Префиксально-суффиксальный способ

Этот способ, который являет собой прикрепление к корню слова одновременно приставки в препозиции и суффикса в постопозиции, представлены разными частями речи:

- **существительного**: чтобы довершить картину нашей зажравшести;

- **прилагательного**: Я всегда воспринимала это «ты» как **натыкнутое** прямо в меня («На малом огне»);

- **глагола**: он подсядет к мужикам, мгновенно, так сказать, **залогинится**; Так **закольцовывается**, казалось бы, тема европейского кризиса («Дальние земли»); Хорошо **отвалтузивши** гостей, ОМОН рассыпается и улетучивается («Кремлевские сценарии»);

- **наречия**: Так что на вечерний прием **встоячку** («Кофточка»).

4. Безаффиксный способ

Образование без каких-либо аффиксов либо с усеченной структурой (нулевая суффиксация): что хочу, то и делаю; **отзынь** («Вроде флирта») - (аналогично **отстань, остынь**); **каждый пролет** (точнее, прополз) («За проезд!»).

II. Синтаксический способ - образование сложных слов.

- сложение основ: меж ними бездна, звезд полна, **стозевна** («За проезд!»); а просит выдать ему пластиковые пакеты из магазина «Стокман» или «Пятерочка» – в зависимости от вашего классового статуса – и надевает их на свои **говнодавы**, а потом уж идет; Я знала, что сейчас начнется народная **историософия** («Засор»); Какие-нибудь партийные хряки, гоголевские заматеревшие **свинорыла**, («Гной»); Уваровская же триада, троица **живоначальная** («Триада»); Книги как бумажный продукт в магазинах были, но только поддельные, комсомольские, с **говнозадором**

(«Может быть, свет»); *Неужели, если ты словоцентричен, тебе так невыносим материальный предмет* («Хряпа тоталитарная»);

- сложные слова с первой частью – русскими прилагательными: **самый, общий, широкий, малый**: *никакой проблемы бы не возникло. Ни самомалейшей.* («С народом. К вопросу о национальной идее»); *намерения были самые прекрасные и широкодушевные.* («Дальние земли»); *и другие – бабы общесырные и масляные.* («Карна и Желя»); *А по проезжей части едут малокреативные автомобили* («С народом. К вопросу о национальной идее»);

- сложные слова, с первой частью – заимствованными элементами: **супер, микро, зомби**: *тут приятный человек средних лет сбегал в супердорогущий магазин; На углу с Малой Бронной – микротолпа; то есть народ смотрит зомболящик, хоть и отрекается* («С народом. К вопросу о национальной идее»);

- сложение в сочетании с суффиксацией: *Как будто это была особая виноотталкивающая спецодежда.* («Кофточка»); *В советское время был распространен такой журналистский говорок, который у нас дома назывался «госзадушевность»* («Гной»); *всегда прибежит толпа добротворцев, в основном женщин* («И люди в нем актеры»);

- сложные слова, пишущиеся через дефис, но очень необычные по своему сочетанию: *Соответственно, небеса тоже устроены сложно-иерархически.* («Может быть, свет»); *всё оттуда, всё нечистым, липким, мармеладно-каловым комком.* («Гной»); *сложно-гинекологическим в своем устройстве ирисам,* («Легкие миры»); *бодро-фальшивый персонал* («Ирочка»); *с громким чпоканьем лупит по ребрам банкиров, депутатов, олигархов там или, например, работников поп-глам-культуры; а сам как плюнет отравленным шипом в президентско-премьерскую сторону.* («Кремлевские сценарии»); *а мульти-культураль-но-космополитически-туристическое* («О трехчастной структуре выкрикивания»); *«Западно-восточный диван-кровать»* («Издали похожие на мух»).

В последнем примере оба приведенных сложных слова – и прилагательное *западно-восточный*, и существительное *диван-кровать* - общеизвестны, поражает их соединение в одно понятие. Здесь наблюдается игра слов, контаминация понятий: восточный диван – это высший орган исполнительной, законодательной или законосовещательной власти в ряде исламских государств. Присутствует здесь и реминисценции, интертекстуальность, например, намек на сборник «Западно-восточный диван» Гёте, и все эти высокие понятия разбиваются о банальное *диван-кровать* – предмет мебели, раздвижной диван.

В творчестве Т. Толстой такие примеры можно встретить буквально на каждом шагу (читай: на каждой странице). Это придача некоторым словам несвойственным им форм, например, образование форм деепричастия от глаголов, которые их не образуют: *не играя с внуками, не пекая пирогов* («Ирочка»); *Кипя, я пошла к кабинету*

менеджера – двери с сейфовым замком. («Гной»); вновь имитировали строительную деятельность, **возюкая** шваброй по полу или наклеивая обои вверх ногами. («Музыка сфер»);

б. Тмезис: Встретились следующие примеры тмезиса: *и всякая такая прочая шебурдень*– шелуха+бурда+дребедень («Музыка сфер»); *лямпампусечную* квартирку - звукоподражание лям+пам+ пуся (пупсик) («На малом огне»).

III. Семантический способ образования окказионализмов

Данный способ создания авторских неологизмов связан с развитием полисемии слова, в результате чего возникают новые значения, существующие только в тексте произведения. Иначе этот способ некоторые ученые называют лексико-семантическим синкретизмом, У слов появляются несвойственные им ранее свойства, признаки, оттенки значения: *Едут тихие чиновники, удивительные люди, владеющие искусством струиться и обтекать; Таких домотканых мозгов уже не носят* («За проезд!»); *а теперь на меня надвигалась умственная глаукома* («Легкие миры»); *Где-то после полутора тысяч наступает притупление, вроде некроза кошелька.* («Сумочка»); *Результат – внутреннее, невидимое ожирение, мутные глаза, тяжелая походка и душевное плоскостопие.* («Фу»); *Беспрерывно слышится хтонический гул и могучая семантическая пульсация.* («Музыка сфер»); *включает внутреннюю якутию* («Хряпа тоталитарная»).

IV. Иноязычные вкрапления

Выделяются два основных вида иноязычных вкраплений:

- **вкрапления в исконной графике** (т.е., переданные средствами языка-источника): *national disaster; writer in residence; магазин ShopRite; plausible explanation; Frightful indeed!; Prime Suspect fi donc.* («О стихах и метелях»); *in a nutshell;* («Хряпа тоталитарная»);

Писательница долгое время жила в Америке, преподавала в американских университетах, поэтому эти вкрапления чаще всего на английском языке. Иногда она их объясняет: *sock eater, носкоед; Термин cargo cult в англоязычном мире сейчас применяется не только в антропологии; выражение cargo cult science было запущено в обиход великим Ричардом Фейнманом по отношению к псевдонауке.* («Хряпа тоталитарная»); Иногда на основе иноязычного слова строятся новые ассоциации, например, автор говорит, что название магазина «*Pakastin*» («Хряпа тоталитарная»), в котором продаются всякие ненужные, бракованные товары, очень удачно, соединяя по смыслу и по звучанию иноязычное слово с русским словом *пакость*; а иногда приводит иноязычные вкрапления в одном ряду с русскими словами: *oh my God, святые угодники! parbleu,* («О трехчастной структуре выкрикивания»);

- **вкрапления в русской графике** (т.е. иноязычное слово, переданное средствами русского алфавита): *Хорошо в офлайне, интересно.* («Превозмогая обожанье»); *Фейсбук, офшор на Кайманах. граффити* зловещие и всякое такое. («Фу»); *Ноу*

комментс, яблоко в России не переводилось никогда. («Может быть, свет»); Вообще всякое членовредительство – это **велкам**; Какой-нибудь **плебс** английский («Хряпа тоталитарная»).

Чаще всего эти вкрапления – транслитерация английских слов, но есть несколько примеров и французских слов: *я, как владелец обязана соблюдать эгалитэ, язви его, и считать всех людей равными.* («Легкие миры»); *А либертэ, эгалитэ и фрaternитэ – просто размазанная по плоскости шебурдень.* («Триада») – (*fr. liberté, égalité, fraternité*, заимствованные, в свою очередь, из латинских слов; это знаменитый лозунг парижских коммунаров: Свобода! Равенство! Братство!); *как он сам сказал бы, nonшалантность* («Про отца») – (*fr. nonchalant* – беспечный, беззаботный).

Малая проза Т. Толстой возникает как раз на сломе культурных эпох разного типа: отличаясь необычайно выразительной речевой художественной формой, она, наряду с произведениями других авторов, входящих в литературу в то время, отражает начало нового периода в истории русской литературы – начало эпохи постмодерна. Момент смены разных эпох зафиксирован в критических статьях начала 80-х гг. как смена художественного «языка» [4, 59] (в терминологии нашего исследования – смена типа речевой художественной формы).

Речевое новаторство Т. Толстой вне литературно-исторического контекста ощущается современным читателем не так остро, как ее первыми читателями и критиками, так как в XXI в. осложненная речевая художественная форма становится нормой литературного художественного письма [14]. При этом перечень художественных и научных метафор, характеризующих речевую художественную форму рассказов Т. Толстой, продолжает пополняться: «сочный, сильный, точный», «цепкий и крепкий» язык, «мощные поэтические заросли», «метафорический лес», который «иногда кажется чересчур обильным и заколоченным» [6, 5], «феерический стиль», «праздник языка» [7, 181–182], «праздничная избыточность», «словесное барокко» [3, 687], «роскошно-расточительная манера письма» [5, 254], «непрозаическая нагруженность, можно сказать, перегруженность текста тропами» [4, 61], «виртуозно-причудливые бытовые ассоциации импрессионистки», «изящная поэзия в прозе» [10,11], «необычайная пышность метафор» [13, 73], «сгущенная метафоричность», «тончайший сложный орнамент тропов» [12, 72-73]. В нашем исследовании мы попытались доказать, что эти высказывания о языковом творчестве Татьяны Толстой есть сущая правда.

Литература

1. Гайсина А.К. Время в художественном произведении. Литература в школе, 2008. №11.
2. Генис А. Уроки чтения. Камасутра книжника. Москва, 2013.
3. Грекова И. Расточительность таланта. Новый мир, 1988. по 1. с. 252–256.

4. Золотонос М. Мечты и фантомы. Литературное обозрение, 1987. с. 58–61.
5. Иванова Н.Б. Толстая. Русские писатели 20 века: биографический словарь. Москва: Большая Российская энциклопедия; Рандеву–А.М., 2000. с. 687, 688.
6. Искандер Ф. Поэзия грусти. Литературная газета, 1987. по 35 (26 августа).
7. Курицын В. Четверо из поколения дворников и сторожей. Урал, 1990. по 5. с. 170–182.
8. Лейдерман Н. Л., Липовецкий М. Н. Современная русская литература: 1950–1990-е годы: Т. 2. (1968-1990). Москва: Академия, 2003. 686 с.
9. Нефагина Г.Л. Русская проза второй половины 80-ых начала 90-ых годов XX века. Учебное пособие. Москва, 1998.
10. Рыжова О. Дачница из литературного шоу. Литературная газета, 2004. по 19.
11. Толстая Т. Лёгкие миры: Повести, рассказы, эссе. Москва: 2014. 480 с.
12. Фролова Т.Г. Понятие метафорического стиля в современной прозе. Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9. Филология. Востоковедение. Журналистика, 2011. по 2. с. 69–78.
13. Цзиун Л. Поэтико-философское своеобразие рассказов Т.Толстой (на материале сборника «Ночь»): дис. канд. филол. наук. Тамбов, 2005. 162 с.
14. Чупринин С. Другая проза. Литературная газета, 1989. по 6 (8 февраля). с. 4–5.